

2. Категории «одно» и «множество» в анализе социально-классовой структуры общества

Исследуемые понятия имеют непреходящее значение для выявления диалектически противоречивого единства основных признаков определения класса, а также для обоснования специфики иных крупных социальных общностей. С одной стороны, большое значение имеет численность исследуемой социальной общности (многое) с учетом всех подмножеств, входящих в нее¹⁴, с другой — чрезмерное численное умножение общности ведет к неаморфности, отсутствию четкой программы, размытости границ, словом — к утрате признаков *единого* образования (отношение к формам собственности, место в структуре разделения труда и т. д.). Поэтому анализ социальной структуры общества должен опираться на содержание исследуемых понятий «одно» и «множество» именно как категориальной пары. Такой подход позволяет не только обнаружить классовообразующие признаки больших общностей как одного, но и обосновать принадлежность к ним специфических множеств, называемых слоями, прослойками, сословиями, представители которых могут иметь различный социальный статус с основной по численности группой, но сходный классовый интерес. Это относится прежде всего к общностям, оказавшимся в центре внимания исследователей лишь в последнее время. Об их функциях и численном объеме не прекращаются дискуссии. Речь идет о сле-

дующих социальных множествах: бюрократия, интеллигенция, люмпен-пролетариат. Практически только начинается исследование такой социальной общности, как народ, которая в большинстве случаев отождествлялась с нацией либо с народностью, отличными от народа и численно, и содержательно. До сих пор имеет место отождествление крестьянства с мелкой буржуазией (эта концептуальная установка и сегодня мешает нам адекватно осмыслить многие трагические страницы истории нашей страны). Неясно, какое из множеств является базовым «одним» и поглощает остальные среди таких общностей, как: пролетариат, рабочий класс, трудящиеся, особенно в эпоху НТР.

Анализ начнем со множества наиболее пестрого по классовому составу входящих в него «единиц». Данная общность практически не исследуется в «классических курсах» так называемого исторического материализма. Речь идет о люмпен-пролетариате. Между тем с этой общностью и ее резким численным увеличением в определенные исторические эпохи связаны многие события в России и Западной Европе на рубеже XIX — XX вв., имеющие всемирно-историческое значение.

Особенность данной социальной группы состоит в том, что отчасти она является своеобразным атавизмом, пережитком прошлых формаций, а ее представители сохраняют признаки конкретно-исторических архаических форм мировоззрения. Особенность этого мировоззрения состоит в том, что для него характерна своеобразная «амбивалентность» абстрактно-тождественных противоположностей, которые раскрыл К. Маркс. Это преклонение перед авторитарной, деспотической личностью (одно) и крайний анархизм, своеобразный негативистский плюрализм, неспособность подчиниться общепринятым моральным и правовым нормам. Безликая «стадность» единения, доходящего до растворения в толпе, — многом, сочетается с крайним эгоизмом «одинокого волка».

Впервые подобные черты общественного сознания возникли в восточных деспотиях, связываемых с так называемым азиатским способом производства. Для характеристики данных социально-экономических типов К. Маркс использовал специфический термин «объединяющее единое начало». «...В большинстве основных *азиатских* форм *объединяющее единое начало*... выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*...»¹⁵

Подобная система позволяла максимально подменять функцию социального управления функцией различных форм внеэкономического принуждения. Ведь замкнутые, самодовлеющие, взаимноизолированные монады общин являлись самоорганизующимися изнутри (на основе родовых и клановых форм) социально-экономическими единицами, полностью обеспечивающими себя. Выполняя функцию защитника от внешних нашествий, государственный деспотизм *объединял в единое* эти онородности и одновременно легко осуществлял фискальные операции по отношению к каждому из них в отдельности. «Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского и сборщика податей»¹⁶.

Однако с еще большей полнотой архаическая система, иногда называемая государственным способом производства, проявила себя в полукочевых сообществах древней и средневековой Евразии. Если в Древнем Египте и Вавилоне намечалась специализация и функциональная дифференциация общин, интегрирующихся в целостную систему разделения труда земледельческого общества, то в кочевых военизированных структурах — вплоть до Великой Орды (одного) и государства великих Моголов — имеет место классическая дихотомия одного и множества. Это, с одной стороны, неограниченный деспот и его родовой клан (в земледельческих цивилизациях цари и фараоны получали реальную неограниченную деспотическую власть, как правило, на время военных походов), а с другой — «тьма» механически составленных безликих множеств военных формирований, главная сила которых и состояла прежде всего в их громадной численности (полное олицетворение максимы «один в поле не воин»).

Именно к полуродовым архаичным государственным структурам применима в первую очередь следующая характеристика: «...Объединяющее единое начало представлено одним главой важнейшей в племени семьи или же объединяющим единым началом является связь отцов семейств между собой»¹⁷. Поэтому мы считаем, что регионом классического «азиатского способа производства» были военно-племенные государственные объединения Евразии, осуществлявшие столетиями завоевательные походы на восточные (Индия, Китай), юго-восточные (средневековый Иран), западные (Рим, Византия, Россия) — более цивилизованные и культурные ареалы. Своеобразным «реликтом» этого строя стали «азиатчина» допетровской Руси и Османская империя, ряд регионов Индии, Китая и Ближнего Востока, переживших тяжелые нашествия кочевников в средние века, разрушавших созданные значительные производительные силы и раставрировавших архаическую систему общин.

Регенерация примитивных типов социально-экономических отношений происходила и на этапе упадка некогда мощных цивилизаций (Рима, Китая) в период их становления как империй (деспотий). Ведь акцент не на производящем хозяйстве, а на захватнической политике вел к возрождению деспотизма императоров по отношению к абстрактному множеству эксплуатируемого внеэкономическим принуждением и практически не регламентируемыми поборами населения захваченных территорий. Наконец, третий путь реставрации примитивных общинных множеств — это эксплуатация становящейся капиталистической метрополией колониальных придатков других народов¹⁸. Англия осуществляла подобные формы эксплуатации по отношению к Франции и Германии — сырьевым хлебным придаткам Западной Европы, обширным регионам Китая, Индии, Африки, где реставрировались архаические азиатские структуры (включая искусственно созданное плантаторское рабство). В России специфика государственной структуры состояла в том, что на основе имеющихся предпосылок регенерированной монголами примитивной общины в эпоху первоначального накопления (петровская реформа) в качестве

своеобразной «колонии» выступило собственное крестьянство. К. Маркс дал русской общинно-государственной системе характеристику, аналогичную восточным деспотиям¹⁹. Ф. Энгельс отмечал по поводу «мира» — русской общины: «...Полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного деспотизма; от Индии до России... она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение»²⁰.

В целом можно констатировать, что в рамках феодализованных структур в качестве пережитков примитивного мировоззрения имела место узость кругозора, уравнительная психология, инертность крестьянства как класса. И в этом смысле нарождающийся полетариат с его подвижностью, мобильностью, постепенной регламентированностью во времени пусть еще монотонного труда, безусловно, является более развитым, организованным и последовательно революционным классом по отношению к крестьянству. Поэтому можно согласиться в определенной степени с тем, что пролетариат — «это тот класс, который экономикой капитализма создан экономическим объединителем, который миллионы разбросанных, распыленных крестьян объединяет своей промышленностью. И поэтому один полетарий сильнее, чем двести крестьян»²¹.

По мере развития капитализма в крестьянской среде происходит становление так называемой мелкобуржуазной психологии, которую, как считают основоположники марксизма, характеризуют непоследовательность, пассивность в ходе политической борьбы, легкость перехода на сторону контрреволюции. В марксистской традиции доминирует отрицательная оценка роли крестьянства в социалистической революции, представление о том, что оно может выступать как контрреволюционная сила (мелкобуржуазная стихия), быть так называемым попутчиком и лишь в исключительных случаях союзником. Подобная оценка основана на непонимании того, что политический переворот с присущей ему доминантой диктатуры в политической борьбе за власть отнюдь не тождествен социальной революции в качестве длительного процесса создания качественно нового строя. Прослеживалось игнорирование того, что крестьянин как одиночка, ориентированный на достижение благосостояния своим трудом, принципиально отличался от члена примитивной крестьянской общины с его уравнительно-потребительской, насильственно «перераспределительной» психологией, обусловленной монотонным, однообразным трудом.

Отсюда восходящее к идеям К. Маркса представление о враждебности крестьянина как частного собственника всем другим классам, неоправданные призывы к обобществлению сельскохозяйственного производства путем национализации. В. И. Ленин и его соратники на деле попытались осуществить данную идею. При этом большевики фактически нарушили принятый на основе эсеровской программы «Декрет о земле» с его требованиями «социализации земли» — передачи ее в индивидуальное пользование в рамках общины.

Неадекватная оценка крестьянства, его дифференциация по социальным слоям как однородной инертной массы в значительной степени привели к разжиганию гражданской войны и неоправданному террору в 20-е годы.

В действительности контрреволюция в русской революции связана главным образом с разгулом люмпен-пролетарской стихии, которая опиралась частично на массу деклассированного, маргинализованного рабочего класса (в большинстве недавних выходцев из деревни) (О. Лацис), частично на так называемых «бедняков» люмпенизированного крестьянского населения, которое поставляли полуразложившиеся численно значительные архаические общины, не упраздненные в ходе столыпинской реформы.

Необходимо подчеркнуть, что люмпен-пролетариат лишь внешне находится на противоположном полюсе социальной структуры по сравнению с «верхами» государственных и политических структур господствующего класса. Не будем забывать, что эксплуататорское государство может осуществить свою диктатуру только через особый аппарат подавления: тюрьмы, полицию, армию, используемую для прямого подавления выступлений трудящихся и постоянного устрашения их. Для этого необходима массовая, многочисленная сила, которой и является люмпен-пролетариат.

Говоря о создаваемой в дни Февральской революции во Франции контрреволюционной армии против рабочих, К. Маркс подчеркивает, что она состояла из люмпен-пролетариата, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой, из которого рекрутируются всякого рода преступники, состоит из элементов, живущих отбросами общественного стола, людей без определенных занятий, бродяг, способных на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Да и представители господствующей верхушки лишь внешне, по формальному официальному статусу противостоят маргиналам, при этом глубинными мировоззренческими структурами, психологией (да и, зачастую, поведением) ничем не отличаясь от них. Это особенно касается тех групп в государственном аппарате, которые непосредственно связаны с функциями диктатуры и перераспределения общественного богатства. Финансовая аристократия, писал К. Маркс, как по способу своего обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как возрождение люмпен-пролетариата в верхах буржуазного общества.

Аналогично оценивал К. Маркс и «прусское юнкерство». Это же касается якобы противостоящей массе деспотической диктатуры одного. Например, Бонапарт, став во главе люмпен-пролетариата, находит только в нем массовое отражение своих личных интересов, видит в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он, безусловно, может опереться.

Подобная ситуация имела место на протяжении многих десятилетий в нашей стране, когда монополия государственного централизма основыва-

лась на тиранической или деспотической системе единовластия. Не случайно многие исследователи, отмечая засилье тотального монополизма во всех сферах общественной жизни, называют сложившуюся систему государственно-монополистическими социализмом (государственным моноцентрализмом)²². Социальной основой деспотизма и монополизма был именно люмпен-пролетариат, ведь именно он был в первую очередь заинтересован в распределительной системе, при которой равенство трактовалось как уравнивательность. «Я думаю, что государственный монополизм удовлетворял прежде всего социальные интересы широких слоев... создаваемая уравниловка соответствовала определенному психологическому типу и настрою, особенно малообеспеченных людей»²³. При деспотизме и авторитаризме происходит максимальная подмена функции социального управления социальным принуждением, имеет место максимальная потребность в «услугах» маргиналов²⁴. То, что именно последние составляли социальную основу сталинизма, хорошо видно по идеологическим клише типа приоритета социального происхождения, то есть простой принадлежности ко множеству, которое якобы предопределяло позитивность или негативность личностных индивидуальных качеств. Прослеживается ориентация на абстрактно понимаемое множество в идее уничтожения «кулака как класса» (безличное одно многих), в представлении об уникальности рабочего класса как строителя нового общественного строя, в готовности во имя этого строя жертвовать миллионами человеческих жизней. Что же касается пресловутого многообразия социальных слоев жертв культа личности, то главной целью монополизма является разрушение самой цельной «социальной ткани» общества, превращение любой личности, начиная от первичной ячейки-семьи, в безликое механическое множество противостоящих друг другу, изолированных, лишенных привязанностей «атомов». Е. Стариков отмечает, что «азиатско-деспотическое» «сталинское государство приложило огромные усилия для того, чтобы разорвать органично возникающие между людьми связи, разрушить спонтанно зарождающиеся самоуправляемые организации — классовые, профессиональные, творческие, территориально-поселенческие, совокупность которых, в сущности, и составляет гражданское общество»²⁵.

Интересно, что, с точки зрения сторонников идеологизированной социологии, к мелкой буржуазии наряду с крестьянством принадлежит интеллигенция, тоже характеризующаяся как неустойчивая, с точки зрения последовательно осуществляемой диктатуры пролетариата, общность. Это свидетельствует о том, что в большевистской программе не было адекватного представления о социальных силах, призванных принципиально, качество преобразовать капиталистическое общество²⁶. Вообще традиционное противопоставление народа и интеллигенции, характерное для общественного сознания России, свидетельствует об опасных процессах, протекающих в обществе, чреватых отнюдь не позитивно разрешаемыми революционными ситуациями.

В действительности оппозиция со стороны интеллигенции как особой социальной общности по отношению к непосредственной действительности

сти, преобладание рефлексивного, а не действенного отношения к ней свидетельствуют не о реакционности данной социальной группы, а о ее постоянной устремленности в будущее, оценке настоящего как исчерпанного свой потенциал, «достойного гибели». Если рабочий класс ориентирован прежде всего на цивилизаторскую функцию — непосредственное преобразование действительности, в том числе и в ходе политической борьбы, то интеллигенция связана с культуросозидающей функцией, поиском социальных возможностей, дальнейших перспектив изменения социума, что требует абстрагирования от непосредственной погруженности в поток событий. И в этом смысле действительно можно согласиться с максимой: «Интеллигенты — не революционеры, они мятежники», высказанной известным испанским поэтом С. Альехо. Эту мысль неоднократно повторял Н. Бердяев и М. Горький, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби.

Таким образом, интеллигенция — важнейшая часть народа, выполняющая культуросозидающую функцию. Это — численное меньшинство, которое не может заменить никакое большинство «масс», «выходцев из народа» и т. д. Непонимание роли творческого меньшинства, низведение его до роли так называемых «спецов», свидетельствует о предельном социальном эмпиризме и прагматизме, господствующем в общественной жизни.

Поэтому концептуально несостоятельна, по нашему мнению, и концепция А. Ципко, считающего, что именно русская интеллигенция с ее идеализмом повинна в утопизме и левом радикализме русского революционного движения²⁷. Необходимо подчеркнуть, что именно подвергшаяся ужасающим гонениям и террору русская интеллигенция была ориентирована на тип гуманизма, качественно более прогрессивный по сравнению с буржуазным индивидуализмом, на коллективизм и доминанту идеалов развития личности, несовместимую с казарменно-коммунистической однотипностью. Так, В. С. Соловьев, которому принадлежит блестящий анализ диалектики «единого», «одного», «всеединого», «другого», «своего другого», «множества», «всех», писал, что в отличие от гуманистического идеала, где «мы сознаем свое существенное единство со всеми другими, ... за настоящую ... действительность мы признаем только свое отдельное особенное я : мы замкнуты в себе, непроницаемы для другого, ... а потому и другое, в свою очередь, непроницаемо для нас. Допуская вообще в теории, что все другое имеет такое же, как и мы сами, внутреннее субъективное бытие, существует для себя, — мы, однако, совершенно забываем это в действительных практических отношениях, и здесь все другие существа являются для нас не как живые, а как пустые личины»²⁸. Представляется, такая критика соотношения одного и многого в общественной жизни исключает обвинения В. С. Соловьева в идеализме. А его идеал единства, несмотря на религиозную окраску, имеет большой гуманистический потенциал. Игнорирование значения мощных гуманистических процессов в области духовного производства Западной Европы и России в XIX—XX вв., несовместимость их с примитивным уравниль-

истекают авторитарность, инерционность мышления, формализм и схоластика в процессе исполнения возложенных на него профессиональных функций.

К росту численности бюрократии ведет чрезмерное увеличение элемента планируемости социально-экономических процессов, стремление добиться их однородности. Кроме того, само увеличение или усложнение какой-нибудь системы сверх определенных параметров требует увеличения унификации процессов управления и с необходимостью порождает бюрократию. Это «приводит к безликой однородности служащих... Служащие должны быть взаимозаменяемы, а значит безликими. Их необходимо причесывать под одну гребенку. Иначе система не будет работать: она ведь и так достаточно сложна»³⁰.

Однако, к сожалению, социальные общности, интересам которых противоречат революционные преобразования, не сводимы к бюрократии. Это большой слой маргинализированных групп населения: уголовный элемент, часть низкоквалифицированных работников, бюрократия, прилегающая к мафии, коррумпированные элементы всех этажей государственного аппарата, обладающие психологией «временщиков», относящихся к стране как колонизаторы, которая мало чем отличима в глубинных основаниях от психологии преступников.

В идеальном обществе чем ниже удельный вес маргинальных групп, тем больше потенциальных возможностей успешного осуществления комплексных реформ. И в этом смысле с учетом рабочих неквалифицированного труда, алкоголиков и наркоманов, так называемых бомжей, маргинализированных слоев национальных окраин мы уже находимся у опасной черты³¹. А если добавить к этому неуклонное увеличение доли пенсионеров, падение рождаемости, рост врожденных психических аномалий, то, возможно, и перешли ее. Действительно, создана беспрецедентная общность «советский народ», тенденция к усилению однородности которой на деле означала громадный рост одномерности людей, социального балласта, который вполне устраивает сложившаяся у нас за десятилетия социальная структура.

Точную и беспощадную характеристику такому состоянию дает В. Селюнин. «Один народ, одна цель, одна идеология, одна партия, один вождь — в практическом приложении это превращение страны в тюрьму народов, в гигантский концлагерь»³². Однако по мнению известного экономиста, в стране сложилась ситуация, когда «нет больше по-люмпенски деклассированного «монолитного» населения, недостойного называть себя народом»³³.

Социально-классовая структура бывшего советского общества глубоко деформирована. Значительная часть подлинно творческой интеллигенции находится на правах низкоквалифицированной рабочей силы, а то и люмпен-пролетариата. Низкоквалифицированные силы и бюрократия заняли место квалифицированных трудящихся. Коррумпированные мафиозные группировки пронизали структуру общества вплоть до высших эшелонов власти, связывая свои корни с люмпенизированным уго-

ловным элементом. В этих условиях нужна длительная кропотливая работа по развитию цивилизованности и культурности, и надежды на очередной «большой скачок» вряд ли оправданны. Что же касается адекватного названия подсистемы маргинальных групп, то она значительно более многочисленна, чем принято считать. Это не только власть одного («деспотия», «тирания», «автократия») или власть немногих — аппарата («охлократия», «бандократия», «мафия»), но, пользуясь термином, восходящим к античной традиции, — «кейрократия» — «власть силы», в которой социальной основой деспотизма является огромная масса населения, заинтересованная не только в сохранении различных форм экономического и внеэкономического принуждения, но и готовая участвовать в них, будучи малоприспособленной к созидательной, конструктивной, а не деструктивной деятельности в любой сфере общественной жизни.